

Малеко Елена Валерьевна

"НОВАЯ СОБОРНость" СОВЕТСКОЙ РОССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ ПЕРВОСТРОИТЕЛЕЙ МАГНИТКИ)

Статья обращена к истокам и дальнейшей истории уникального для России религиозно-философского понятия "соборность", во многом определившего характер русской культуры. Осмысление принципов "новой соборности" вызвано желанием развенчать представления о полном искоренении особых ментальных характеристик русского народа в связи со сменой идеологических установок в советский период. Черты "новой соборности" выявляются на основе анализа поэтического наследия, созданного тружениками легендарной Магнитки - одной из крупнейших советских строек XX века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/5-1/32.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (55): в 2-х ч. Ч. I. С. 120-123. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. **Арапов П. Н.** Летопись русского театра. СПб.: Тип. Н. Тиблена и К., 1861. 386 с.
2. **Бертенсон С.** Дед русской сцены. О жизни и деятельности И. И. Сосницкого. Петроград, 1916. 198 с.
3. **Биография И. И. Сосницкого, артиста Императорского театра.** СПб.: Тип. Арт. деп., 1861. 20 с.
4. **Вольф А. И.** Хроника петербургских театров: в 3-х ч. СПб.: Тип. Р. Голике, 1877. Ч. 1. 190 с.
5. **Греч Н. И.** Театрал: карманная книжка для любителей театра. СПб.: Тип. Н. Греча, 1853. 122 с.
6. **Зотов Р. М.** Материалы для истории русского театра. Князь А. Шаховской // Репертуар и Пантеон. 1846. Т. 14. Кн. 4. С. 4-40.
7. **Зотов Р. М.** Театральные воспоминания. СПб.: Тип. Я. Ионсона, 1859. 130 с.
8. **Литературный энциклопедический словарь** / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 751 с.
9. **Михайлов А. В.** Языки культуры. М.: Языки мировой культуры, 1997. 909 с.
10. **Попов Д. А.** Натурализм в искусстве как «научное исследование» человека и общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (47). Ч. 2. С. 141-145.
11. **Соц В. И.** О Санкт-Петербургском российском театре // Сын Отечества. 1820. Ч. 65. № 61. С. 4-15.
12. **Театр** // Благонамеренный. 1822. Ч. 18. № 23. С. 387-393.
13. **Театр** // Молва. 1832. № 36. 3 мая. С. 141-142.
14. **Театральные воспоминания Н. И. Куликова: петербургские театры в 1820-1830-х годах** // Русская старина. 1892. Т. 75. Кн. 8. С. 451-477.
15. **Театральный Петербург:** обзорение-путеводитель / под общ. ред. И. Ф. Петровской. СПб.: Российский ин-т истории искусств, 1994. 448 с.
16. **Юркевич П. И.** Русский театр // Северная пчела. 1836. № 120. 29 мая.

**OLGIN BY A. A. SHAKHOVSKY AND OLGIN BY I. I. SOSNITSKY:
FROM CONDITIONAL-LIFE TYPE TO SPECIFIC CHARACTER AND LIFE-SPECIFIC TYPE**

Maidanova Marina Nikolaevna
Russian Institute of Art History
spb@artcenter.ru

The article studies the problem of the structural organization of image in the creative work of St. Petersburg actor Ivan Sosnitsky in the 1810-1830s. The author analyzes the key role of this period – the role of Olgin (the dilogy of A. A. Shakhovskiy “Lesson to Coquettes, or Lipetsk Waters” and “Cockatoo, or Consequence of Lesson to Coquettes”). A proposition is put forward that tendency to recreate life leads to the appearance of the structure of a specific character and a life-specific type that changed a conditional-life type.

Key words and phrases: Petersburg theater; stage image; conditional-life type; specific character; life-specific type; I. I. Sosnitsky; Olgin.

УДК 008

Культурология

Статья обращена к истокам и дальнейшей истории уникального для России религиозно-философского понятия «соборность», во многом определившего характер русской культуры. Осмысление принципов «новой соборности» вызвано желанием развенчать представления о полном искоренении особых ментальных характеристик русского народа в связи со сменой идеологических установок в советский период. Черты «новой соборности» выявляются на основе анализа поэтического наследия, созданного тружениками легендарной Магнитки – одной из крупнейших советских строек XX века.

Ключевые слова и фразы: соборность; менталитет; культура; советская идеология; Магнитострой; поэзия первостроителей.

Малеко Елена Валерьевна, к. филол. н., доцент
Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова
elena.maleko@yandex.ru

**«НОВАЯ СОБОРНОСТЬ» СОВЕТСКОЙ РОССИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ ПЕРВОСТРОИТЕЛЕЙ МАГНИТКИ)©**

Многие современные исследователи склонны считать, что история культуры XX столетия еще не написана и нуждается в более пристальном изучении в силу своей неоднозначности. В связи с этим материал, рассмотренный в данной статье, вполне актуален, поскольку различные аспекты духовной культуры советского периода в России остаются практически неизученными. Об этой проблеме прямо или косвенно заявлено в работах таких исследователей как В. С. Библер, Л. П. Буева, Г. Э. Бурбулис, Е. К. Быстрицкий,

И. В. Ватин, Р. Л. Лившиц и др. По оценкам философов, социологов, культурологов, XX век прошел как самый безрелигиозный период в истории человечества. Этап советской истории в России стал тому наглядным подтверждением. По инициативе государства рушились храмы, священнослужители подвергались гонениям и уничтожались как класс. При этом радикальные меры, предпринятые советской властью по изменению характера и структуры общества, не смогли уничтожить того, что было заложено в русских на уровне их менталитета, – долготерпения, внутренней веры и особого духа соборности. Отметим также, что в конце XX века российский исследователь Л. Е. Шапошников назвал соборность основой русского самосознания [10].

Соборность в самом широком смысле может быть понята как единое, согласие людей, живущих одними истинами, объединенных любовью к общему идеалу – Богу. Для русского народа соборность была определена исторически законами совместного бытия как принципа жизнедеятельности общины. Огромность территории, заселенной восточнославянскими племенами, суровый климат заставляли наших предков сплотиться, жить сообща, вместе, и именно поэтому все личное, индивидуальное отходило на второй план, уступая место общему, общинному. Так родилось русское «коллективное бессознательное».

Спустя столетия соборность получила научно-философское обоснование в трудах русских мыслителей. Первым, кто обратился к осмыслению ее сущности, был А. С. Хомяков. Он рассматривал соборность в рамках учения о Церкви как об органическом целом [8]. Вслед за Хомяковым идеей соборности прониклось русское славянофильство: соборность и общину фактически отождествляли И. В. Киреевский и К. С. Аксаков. Позже В. С. Соловьев изменил философское понятие «соборность» на понятие «всеединство» [5, с. 552], желая тем самым подчеркнуть расхождение собственных идей с идеями славянофилов. Князь С. Н. Трубецкой вернулся к отвергнутому Соловьевым термину. Он писал о том, как во вселенском акте познания «мы держим собор со всеми людьми» [9, с. 293]. Вслед за князем Трубецким строгое церковно-богословское значение понятию «соборность» придали протоиереи С. Н. Булгаков и П. А. Флоренский. Так, Булгаков писал о соборности как о душе православия, означающей «вселенскую, единую жизнь в единой истине» [1, с. 145]. Для Флоренского «соборный» означал не что иное как «всеединный». Дальнейшие шаги в раскрытии учения о соборности предпринимали В. Н. Лосский и о. Георгий Флоровский. Для последнего соборность означала «подлинное всеединство личностей, совершенное равновесие и тождество личного и общецерковного начал» [3, с. 654].

В итоге, можно говорить о том, что соборность, ставшая предметом изысканий русской философской мысли XIX–XX веков, была отражением идеала соборности Древней Руси. Этот идеал во многом раскрывает для нас особенности мироощущения русского средневекового человека. Русская философия придала учению о соборности всеобъемлющий смысл, возведя саму соборность в ранг философской категории, связавшей личные и социальные отношения, а также отношение всех людей к миру в целом.

Такой философский взгляд на культуру Руси, где соборность определяла ментальные характеристики человека, был не раз подтвержден историей. Для русских общинность, единение, коллективизм были облечены в словесные формулы «навалиться всем миром», «постоять за всеобщее дело». Они нашли реальное воплощение в борьбе с татаро-монгольским игом, в Отечественной войне 1812 года, в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, в событиях коллективного строительства нового советского государства в годы первых пятилеток.

Советский период в России достаточно сложно связать с идеями, возникшими в глубинах православной культуры, которая в это время была вытеснена «новой религией» – советской идеологией. В сознании советских граждан, шагнувших из времени дореволюционной патриархальной Руси в период первых пятилеток, образовалась духовная пустота, вызванная новой модой на атеизм. Но и при этом связь русского человека с духовным прошлым не прервалась. Она сохранилась в ментальном поле культуры. В связи с этим мы склонны понимать менталитет как глубинные структуры культуры, исторически и социально укорененные в сознании и поведении многих поколений людей, и потому, при всей своей исторической изменчивости, как наиболее стабильные, определяющие сходство различных этапов национальной истории. Это обстоятельство объясняет тот всеобщий порыв советских людей, который позволил им при низкой технической оснащенности России, при всей ее аграрной отсталости создать ДнепрогЭС, Турксиб, Магнитострой.

В ряду проектов, которые требовали невероятной сплоченности граждан советского государства для осуществления задуманного, легендарная Магнитка находилась едва ли не на первом месте. Создание завода-гиганта в пустынной уральской степи для многих выглядело как мифотворчество. Но мифу суждено было стать реальностью. Как известно, Магнитогорск строила вся страна. Среди строителей 36-ти национальностей были рабочие, крестьяне, демобилизованные красноармейцы из Поволжья и Украины, Кавказа и Белоруссии, Сибири и Казахстана. На Магнитострой приехало около 700 иностранных специалистов и рабочих. Оборудование и механизмы для будущего завода изготовляли более 150 предприятий страны. Магнитка сразу стала уникальным пространством для диалога культур, вовлекающим современников из разных стран в невероятный по размаху водоворот событий. Многих, кто работал или просто бывал здесь, объединяло общее чувство – восторг перед мощью и силой человека. Это невероятное чувство единения вызвало к жизни творчество плеяды магнитогорских поэтов, воспевших дух коллективизма первостроителей магнитогорского промышленного гиганта. Среди них: Борис Александрович Ручьев (Кривошеков) (1913–1973), Михаил Михайлович Люгарин (Заболотный) (1908–1993), Александр Никитич Лозневой (1911–2005), Людмила Константиновна Татьяничева (1915–1980) и многие другие. Именно Татьяничева, юная девушка, первостроитель Магнитки, напишет об особой сформировавшейся литературной среде Магнитостроя следующее:

«Там чуть не каждый мой сосед
Был журналист или поэт...» [6, с. 21].

Поэтическое наследие, оставленное предшествующими поколениями, всегда уникально: оно дает нам возможность понять особый строй духовной культуры, свойственный нашим предкам. Так и стихи магнитогорских поэтов ярко и наглядно передают колорит жизни первостроителей, для которых местом проживания в пустынной степи стали палатки, уравнившие всех в правах перед новой жизнью, целью которой стал общий труд, требующий от каждого полной отдачи сил. Один из главных памятников Магнитогорска посвящен этому незабываемому месту человеческого общежития времени великого строительства – первой брезентовой палатке. На нем высечены слова Б. А. Ручьева, которые знакомы каждому магнитогорцу:

«Мы жили в палатке
с зеленым оконцем,
промытой дождями,
просушенной солнцем,
да жгли у дверей
золотые костры
на рыжих камнях
Магнитной горы» [4, с. 35].

Местоимение «мы», с которого начинается стихотворение, определяет общую идею всей поэзии магнитогорцев-первостроителей. В этом местоимении запечатлен особый дух единения, который мы склонны рассматривать как «новую соборность». Она не имеет религиозной основы, хотя корнями своими уходит все к той же патриархальной Руси. На Магнитострое, как и на других великих стройках советской России, в людях вновь заговорило то «коллективное бессознательное», которое оказалось укорененным в самом существовании русского человека. «Новая соборность» получила наглядное выражение во вновь образованных трудовых единицах – бригадах. В бригаде единение строителей проявилось не только в общем труде, но и в единстве духа. Ручьев писал о «каленой воле бригады» [Там же, с. 38], о том, что:

«... бригада – слово не водица,
главное, железное, одно,
это – боевая единица,
наступленья верное звено» [Там же, с. 16].

Дух коллективизма, по сути, стал новым выражением духа общинности. Безрелигиозное советское время внесло лишь некоторые коррективы в осознание общего идеала. Место Бога в душе человека теперь занимают другие святые. Так, М. М. Люгарин определил их сущность следующим образом:

«Металл...
Металла ждет страна,
Святей святых мы это знали» [2, с. 13].

Служение Богу сменяется служением Стране. По словам Б. Ручьева:

«Здесь всяк по душевному праву
к железному долгу привык...
И вечного пламени плавок
нельзя погасить ни на миг» [4, с. 134].

Религиозная жертвенность патриархальной Руси теперь осознается человеком как трудовая жертвенность во имя обновленной советской России. Великому Стране приносится в жертву труд всех ее граждан. И это не просто работа, это изнуряющий труд до изнеможения, до седьмого пота, на пределе физических сил и возможностей человека. Только такую жертву принимает Страна. Для первостроителей Магнитки всеобщая трудовая жертвенность также явилась объединяющим началом, раскрывающим сущность «новой соборности»:

«Дня нам не хватало
на запал рабочий,
и тогда, усталость
заглуша в плечах,
мы вели атаки
штурмовую ночью,
приучившись сердцем
за слово отвечать» [Там же, с. 15].

Новая жизнь человека в стране Советов – это жизнь для Страны, во имя Страны. Она есть некое подобие тому, о чем когда-то писал Булгаков: о «единой жизни в единой истине» [1, с. 145]. Всеобщее горение духа первостроителей Магнитки в их трудовом подвиге порождало идею слияния с новым идеалом. Для каждого из них наступал момент осознания единства собственной судьбы с судьбой своего государства. Образ советской России чаще всего совпадал с образом малой Родины, которой и стала легендарная Магнитка:

«Как бы я ни вспомнил о Магнитке,
Без своей судьбы
Не обойтись» [2, с. 11],

– писал об этом единении Люгарин в стихотворении «Сталь».

Таким образом, поэзия первостроителей величайшей стройки первых советских пятилеток – Магнитостроя – представляется своеобразной летописью особой духовной жизни советского человека. Эта жизнь была лишена религиозности, так как религии не было места в государстве, где господствовали атеистические взгляды. Но и в это сложное время в сознании советских граждан остались ментальные установки, определяющие характер русского человека с незапамятных времен. Особое место среди них, на наш взгляд, заняла именно идея соборности, которая при этом была облечена в новые формы. Именно эта идея, во многом воплотившаяся в духе коллективизма советских времен, стала основой для великих свершений советской России.

Список литературы

1. Булгаков С. Н. Православие. Киев: Наукова думка, 1991. 367 с.
2. Люгарин М. М. Любовь заветная: стихи. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1971. 71 с.
3. Русское зарубежье: золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: энциклопедический биографический словарь / под общ. ред. В. В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 1997. 748 с.
4. Ручьев Б. А. Стихи. Поэмы. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1973. 269 с.
5. Соловьёв В. С. Сочинения: в 2-х т. М.: Наука, 1988. Т. 2. 681 с.
6. Татьяначева Л. К. Родной Урал. М.: Советский писатель, 1950. 114 с.
7. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1990. 574 с.
8. Хомяков А. С. О старом и новом: статьи и очерки / под общ. ред. Г. М. Фридендера. М.: Современник, 1988. 487 с.
9. Хоружий С. С. После перерыва. Пути русской философии. СПб.: Алетейя, 1994. 548 с.
10. Шапошников Л. Е. Философия соборности: очерки русского самосознания. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. 200 с.

**“NEW CONCILIARISM” OF SOVIET RUSSIA
(BY THE MATERIAL OF POETRY OF THE FIRST BUILDERS OF MAGNITKA)**

Maleko Elena Valer'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
G. I. Nosov Magnitogorsk State Technical University
elena.maleko@yandex.ru

The article touches on the origins and further history of the unique for Russia religious and philosophical conception “conciliarism”, which in many ways determined the nature of the Russian culture. Understanding the principles of “new conciliarism” is motivated by the desire to debunk conceptions on the complete extermination of the special mental characteristics of the Russian people in connection with the change of ideological orientations in the Soviet period. The features of “new conciliarism” are identified on the basis of the analysis of poetical heritage created by the workers of legendary Magnitka – one of the largest Soviet projects of the XX century.

Key words and phrases: conciliarism; mentality; culture; Soviet ideology; Magnitostroy; poetry of the first builders.

УДК 780

Искусствоведение

В статье затрагиваются вопросы, связанные с особыми характеристиками музыкально-исполнительской терминологии. Подчёркивается, что, обладая всем набором характеристик, свойственных терминам любых отраслей человеческой деятельности, язык музыкантов в каждом из пунктов «отклоняется от нормы», давая право исследователям говорить об особом статусе указанной сферы профессионального языка. По мнению автора, такие специфические свойства музыкально-исполнительской лексики связаны с особым положением и спецификой самого музыкального искусства.

Ключевые слова и фразы: термин; музыкальный термин; музыкально-исполнительская лексика; профессиональный язык музыкантов; специфические особенности терминов.

Надольская Ольга Николаевна, к. искусствоведения
Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова
nadolskaya@mail.ru

О СПЕЦИФИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛЕКСИКИ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬСТВА[©]

Музыкальная лексика, как и профессиональная лексика любой из областей человеческого знания, является органичной частью общелитературного языка. Находясь на стыке двух семиотических систем – языка и музыки, – терминология музыкального искусства становится объектом пристального внимания как музыковедов, так и лингвистов.